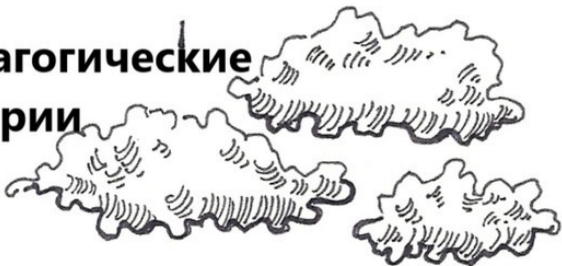

Алексей Дунев

Бегство с урока

**Педагогические
истории**

Алексей Дунев
Бегство с урока.
Педагогические истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345443

ISBN 9785449873064

Аннотация

У каждого человека найдётся, что рассказать о своей школьной жизни. Но взгляд учителя, пишущего педагогические истории, отличается особой пристрастностью и личной включённостью в предмет описания.

Содержание

Черняк М. А.	6
Бегство с урока,	8
Непознанные слова,	11
По закону вселенской компенсации,	21
Синяя борода кентавра, или	33
Тот день —	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бегство с урока Педагогические истории

Алексей Дунев

*Посвящается моим Учителям
(с большой буквы)*

Иллюстратор Анна Ашина

© Алексей Дунев, 2020

© Анна Ашина, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-7306-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черняк М. А.

Пространство открытой речи

Книга, которую вы держите в руках, обязательно должна была появиться. Потому что Алексей Иванович Дунев – филолог, педагог высшей школы, практикующий сельский учитель, методист, поэт – просто не мог не написать о том, чем уже много лет живёт и дышит – о школе. В книгу вошли очень разные по жанру тексты (от школьной повести до лингвистической фантазмагии, от автобиографического рассказа до философского эссе). И эта жанровая палитра в полной мере отражает столь противоречивую и многогранную школьную жизнь.

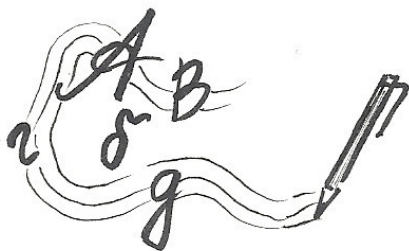
«Учительская. Это место, которое притягивает учеников, но сами они так его боятся, что и не в сказке сказать... В учительскую вызывают провинившихся, там проводят нравоучительные беседы с озорниками и хулиганами. Сложилось неверное представление, будто учительская – место для учителей. Для меня это, прежде всего, пространство открытой речи. Нечто, подобное коробке, в которой собираются самые разные истории: весёлые и страшные, трагические и смешные, длинные и короткие, душещипательные и душераздирающие», – в этих словах обнаруживается суть всего сборника. Школа – это, действительно, пространство открытой

речи, в которой тонкий филологический слух автора улавливает сложные обертоны.

«Пазл воспитания», «Новенькая, или Конфликт поколения большого пальца», «Человек – терновый куст, или Сливы Спинозы», «Почему учитель уходит из школы», «Чему не учат в педвузе, или Ошибка как стимул к развитию», «Доброе слово и к экзамену подготовиться поможет», – это не просто названия рассказов и эссе, это перечень острых вопросов, которые волнуют всех, кто связан с образованием.

При всей серьезности и откровенности постановки «больных» вопросов современной школы в любом тексте этой книги ощущается главное и неизменное – искренняя любовь к школе и мысли о её будущем.

М. А. Черняк, профессор РГПУ им. А. И. Герцена

Бегство с урока, или Охота на Снарка

Скучно мне сегодня на уроке в 9 классе. Пока мои ученики пишут сочинение, смотрю в окно и мерно постукиваю по учительскому столу красной ручкой. Вот я заметил неясное движение около окна и направил туда свою острокрылую мысль. Мысль впилась во что-то мягкое. Но хлипкое, как казалось минуту назад, тельце рванулось в сторону. Опрометчиво бросаюсь в погоню. Рама окна отцветчиво раздвигается, и меня всасывает в Законье. Обнаруживаю себя на расчерченном неровной шахматной клеткой пустыре. Тусклое ядовито-желтое солнце лежит на земле, отчего трава видится

вишнёво-фиолетовой. Дикое сочетание цветов колет остриём вульгарности между лопаток. Тошно и холодно в мире бездарности.

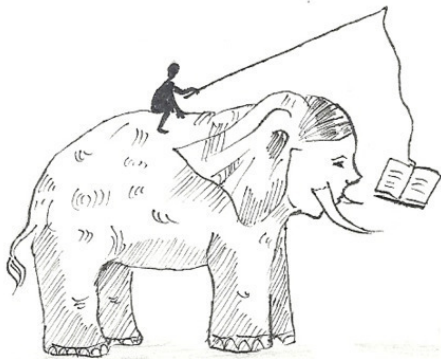
Но вот раздаётся пронзительный звук, и скривдливая тень снарка проносится мимо меня. Делаю движение вслед. Обращаюсь в мысль и стрелой лечу вдогон. Снарк проскакивает три клетки и, сделав неожиданно резкий поворот, притормаживает на четвёртой. Я же не успеваю остановиться и дрызгло плюхаюсь через две клетки на третьей. E2-E4 – недолёт.

По небу бегут зелёные облака в форме слонов. Они неумолимо движутся на меня по диагонали чёрных клеток, и я узнаю их. Эти слоны с огромными ушами несдерживаемых желаний и головами моих учениц Вали и Альфии вот-вот раздавят меня толстенными ногами хамства и сомнут бивнями невоспитанности. Я убегаю со всех ног, но чувствую, как земля вращается в обратную моему движению сторону, а я остаюсь на месте. Шаги гигантских фигур так велики, что... шмяк, шмяк, хрямс...

Кто-то тычет в щёку мокрым плюнявым носом. Уф, это хлиссские ёжики (в лесах тундрёжного Хлиса полно таких безгужных ежей). Из зябучего тумана, ощетинившись игломордами, окружают меня три ежа: Лёша, Андрюша и Тоша. Они хихикают и подкалывают меня своими острыми иголочками шуток, подталкивая к пропасти. Из пламени лавы, кипящей в пропасти, всплывают зловещие шикоблюкающие огневые лики Назара, Кати и Артёма. Мысленно я поспешно

листаю холодные, колючие тетради, переполненные грамматическими ошибками, и вдруг попадает одна тёплая с настоящим живым искренним сочинением. Спасён! Я нащупываю спасительную раму сознания и впрыгиваю в свой мир, в котором слышно жужжание мухи и скрип ручек по бумаге. Аня и Марина, низко наклонившись над тетрадями и прижав ушки, дописывают сочинение.

Тепло и уютно в знакомом привычном мире среди моих славных, умных и доброжелательных учеников. А из угла кабинета философски посматривает на всё это сдобрый сарк.

Непознанные слова, или Рассказы в учительской

Мой день начинается со слов, которых я ещё не знаю. Просыпаюсь под звуки включённого телевизора. «Доброго вам времени суток!» – торжественно поприветствовал ведущий, чем полностью меня дезориентировал и во времени, и в пространстве. Я уже с утра понимаю, что в сочетании «время суток» что-то не так, и разрушение этикетного приветствия «Доброе утро!» разрывает мое сознание на части.

И тут же слышу: «Приятно утром побудировать над чашечкой кофе...». Ну я-то точно знаю, что «будировать» означает «дуться», «сердиться». И что я теперь буду делать с чашечкой кофе? А я с утра должен быть в хорошем настроении. День только начинается.

Захожу в школу. Крупные трафаретные надписи бросаются в глаза – не хочешь, а прочтёшь. На стенах висят плакаты с пословицами: «Не узнав горя, не узнаешь и радости», «Русский терпелив до зачина», «Смелость – силе воевода», «Идти в драку – волос не жалеть», «Богатырская рука однажды бьёт», «Храброму смерть не страшна».

Мимо меня, чуть не сшибая с ног, проносятся уже научившиеся читать первоклассники. И я в очередной раз убеждаюсь в силе слова.

В школе с первых дней ученики узнают новые слова. После 1 сентября новоиспечённый первоклассник приходит домой, показывает изумлённым родителям букварь и говорит: «Вот дали букварь. Завтра нужно принести его с заплатками и в оболочке». Испуганные родители наутро бегут в школу узнавать, что это значит. Учитель поясняет: просила принести книгу в обложке и с закладками.

От диалога к монологу люди нередко переходят с помощью фразы – «А вот у нас был случай...» Но в жизни, о которой идёт речь, всё не так, и каждая рассказанная история входит в свой круг необычного как часть необъяснимого.

Жизнь в учительской полна событиями и сюжетами. Сюда приносят то, что свершается в мире. Большие и малые дела здесь становятся в один ряд и оцениваются только с точки зрения того, насколько интересно о них рассказано.

И сегодня с утра уже всем известно, что вчера у Виолетты Андреевны – учителя математики – весь вечер болела голова. А дочка первоклассница Лерочка готовилась к урокам. Мешать отдыхать маме Лерочка, конечно, не стала, и все домашние задания выполнила сама. Виолетта Андреевна – человек ответственный, а как она дочку-то любит! Первоклассница с гордостью принесла тетрадь. И мама стала читать выведенную аккуратным старательным почерком пословицу: «Делу время – та-та-та-та час».

– Почему ты написала на месте пропуска «та-та-та-та»?

– Ну, как ты, мамочка, не понимаешь. Есть такая песня, – и Лерочка напела, – Делу время, делу время, та-та-та-та...

– Ты почему не читаешь задания? Здесь же написано: «Продолжите пословицу». А ты какую-то песню вlepила!

Лерочка надула губы и сдвинула брови. Было понятно, что ей хочется заплакать, и Виолетта Андреевна смягчилась. Она собрала всё своё учительское терпение и сказала:

– Лера, ты должна уже знать пословицу: «Делу время, а потехе час!»

– А где же там «А»? – спросила Лерочка, хитро прищуриw глазки, – «А» -то и нет.

– Горе с тобой, – произнесла мама на глубоком выдохе,

не найдя, чем ответить на упрёк, и отправилась на кухню выпить кофе.

Минуты через две, поставив чайник на плиту и положив в чашку растворимый кофе, Виолетта Андреевна вернулась в комнату. Лерочка, высунув язык, уже дописывала пословницу поверх замазанной штрихом первой записи.

– Это что у тебя за тихий час? Ты что, в садике? – хватаясь за голову, почти закричала мать.

В тетради уже красовалась версия осовремененной пословницы: «Делу время по тихий час».

– По какой тихий час у тебя время?! – всё больше раздражалась Виолетта Андреевна.

Через полчаса после стараний – зачёркиваний и затирааний неудачных, по мнению Виолетты Андреевны, вариантов – наконец-то появилась влипшая в русское сознание идиома: «Делу время – потехе час».

А утром Лерочка шла в школу, ведя маму за руку, и молча думала о том, кто такой этот «ПОТЕХИЙ» и почему у него так мало времени – всего только час.

Учительская. Это место, которое притягивает учеников, но сами они так его боятся, что и не в сказке сказать... В учительскую вызывают провинившихся, там проводят нравоучительные беседы с озорниками и хулиганами. Сложилось неверное представление, будто учительская – место для учителей. Для меня это, прежде всего, пространство открытой

речи. Нечто, подобное коробке, в которой собираются самые разные истории: весёлые и страшные, трагические и смешные, длинные и короткие, душещипательные и душераздирающие. Вот только слушатель не вправе выбирать. Если уж ты «влип» в процесс вязкого учительского диалога и стал пусть даже и невольным, но всё же слушателем, то совсем неприлично не дослушать до конца и удалиться.

Но особенно надо быть внимательным к словам в конце учебного года. В учительской наш Пал Палыч рассказывал потешную, если бы она не была для него плачевной, историю.

Выставляю я вчера годовые отметки в 8 «Б», и вдруг Нина Семенихина. Я её и спрашивать-то боюсь, двух слов связать не может, – начинает клянчить: «Ну, поставьте мне четвёрку, ну поставьте четвёрку». А ей и тройку ставить не за что. Ну, я и отшутился: «Может, тебе ещё и за пивом сходить!» А сегодня на первом уроке вызывают в кабинет директора, там сидит такой здоровый мужик с недобрým взглядом и военной выправкой, но в штатском. Ну, думаю, снова меня в армию забирают. А он увидел меня и, скосив глаза на директора, таким тоненьким голосочком обиженной девочки стал ябедничать:

– А ваш учитель мою дочь за пивом отправлял и еще обещал за это четвёрку в году поставить.

Слова, прошедшие через чужие уста, приобретают иной

Школьный коридор – путь во взрослую жизнь. Никогда неизвестно, куда он выведет. Иду я по школе и вижу, как навстречу со всех ног несётся какой-то мальчишка класса второго-третьего. Я уже начинаю прижиматься к стенке, чтобы бегущий не сбил меня, и вдруг замечаю, что мальчик как будто испытывает какое-то затруднение: он по-прежнему отчаянно выкидывает вперёд ноги и размахивает, как это бывает при беге, руками, но продвигается вперёд значительно медленнее. У меня даже создалось впечатление, что воздух перед мальчуганом стал плотнее, и в этой изменившейся атмосфере те же физические усилия дают совсем другой результат. Я оглянулся и уткнулся взглядом в учительницу, пристально смотревшую на всё ещё бегущего ребёнка. Она просто останавливала его взглядом, а он будто и не видел её. Движения мальчишки ещё по инерции были так же размашисты, но воли двигаться вперёд в этом маленьком бегуне уже не было. И, пролетев безвольной пушинкой несколько метров, он остановился почти около меня.

– Я говорила тебе, что бегать по школе нельзя? – «утробным голосом из преисподней» обратилась учительница к ребёнку.

– Да, говорили, – отвечал мальчик механически, при этом руки и ноги его всё ещё подрагивали то ли от бесславно закончившейся бешеной гонки, то ли от страха перед разгова-

ривавшей с ним учительницей. Плечи мальчишки повисли, голова опустилась, а губы сами по себе пытались произнести какие-то слова.

Я тихо поздоровался, опустил глаза, и малодушно прошёл дальше, так и не узнав, вынула ли из ученика душу женщина, способная взглядом остановить бегущего во всю прыть ребёнка.

Люди с такой силой характера и умением управлять стихией вполне могли бы участвовать в корриде, останавливая и сбивая с ног быков одним только взглядом. Но у них более сложная работа, и при встрече с детьми им уже не до крупного рогатого скота.

В каждой школе и даже в каждом классе есть свой Вовочка – герой школьных анекдотов и невероятных историй. С одной стороны, это обобщённый персонаж, а с другой – живой непосредственный ребёнок.

Вовочка не проявляет к учению почтения и не прикладывает старания. Может, поэтому я слышал о нём такой отзыв учителей:

– У Вовы ни ума, ни интеллекта, и как он только дорогу в школу находит, наверное, хорошо развиты другие органы.

Сочинение о том, как он провёл лето, подкупало своей искренностью. «Летом я ездил к бабушке в деревню. Когда я вернулся, то пошёл в школу. Но до 1 сентября было ещё два месяца, и я пошёл домой». На этом текст завершался.

– Слушать надо ушами! – говорит учитель Сидорову. И Вовочка начинает рассуждать вслух: «Очевидно, учитель думал, что я слушал другим местом. Но каким? Может, он так подсмеивается надо мной? Возможно, Семён Петрович имел в виду, что я должен осуществлять действие „слушать“ с помощью названного органа – „ушей“».

На родительском собрании классная руководительница предложила Сидорову-старшему такой парадокс:

– Чтобы обезвредить вашего ребёнка, ему нужна хорошая профессия.

В конце рабочего дня слов скапливается столько, что голова становится подобна чемодану. Такая же тяжёлая и с острыми углами. Потoki пустых, бессмысленных слов обруши-

ваются на учителя во время совещаний. Поэтому, чтобы хоть как-то защититься от многословия, затуманивающего рассудок, учителя берут на совещание журналы, отчёты, кроссворды и sudoku. Так язык цифр спасает от языка слов.

На одном совещании чиновник от образования выступал за правое дело. Он ратовал за отсрочку тем мужчинам, которые, не желая служить в российской армии, скрывались в школе. Свое отношение к новобранцам, угодившим в ряды военнослужащих, выступающий не смог скрыть:

– Призыв мужчин-выпускников, пошедших после окончания педагогического вуза в школу, даст стране катастрофически малый прирост живого веса военнослужащих.

Так мало весит учитель-мужчина в глазах и словах чиновничества.

День завершается. Ночь – спокойное время, не терпящее громких слов. Всё, что свершилось с нами за день, успокаивается, отстаивается и залегает в сознании тяжёлым намокшим илом.

Чтобы утром принять правильное решение, мысли должны остыть и принять нужную форму. А правильное решение на любой тревожащий вечером вопрос я сформулирую утром. Утром придут новые нужные и правильные слова, которые определят и сформируют следующий день. Как говорила бабушка, «Утро вечера *мудренее*». Хорошее древнее слово – «мудренее».

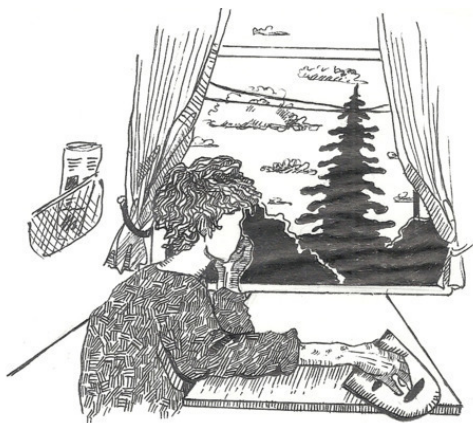
Слова, пребывавшие со мной весь день, укладываются в моем сознании и какое-то время будут мирно спать. Но они проснутся и ещё окажут влияние на представление о жизни. Познанные слова – это главная школа жизни.

По закону вселенской компенсации, или Властелины мира

Из-под колёс вырывается загнанное дыхание поезда. Картинки за окном передвигаются, как и положено течению славянских букв, слева направо. Сюжет ненаписанного ещё не ясен до конца, но основные персонажи уже намечены, обрели свои лица и характеры. Поступки героев уже запрограммированы замыслом ненаписанного и так же понятны автору, как неоспоримо, что выпавший волос нельзя приставить к голове или заставить вновь прорасти. Ненаписанная история так же отличается от прочитанной, как мёртвый волос от живого. Нельзя прочитать то, что ещё не написано, не свершилось в замысле и не появилось в виде нескольких страниц или хотя бы строк рвущегося в чужое сознание текста.

История пассажира, рассказанная *от нечего делать* соседям по купе, настолько проста, что могла бы поместиться в одном перестуке колёс, но была растянута на несколько часов неизбежного пребывания в духоте плацкартного вагона. При воспоминании об этих событиях крутит в животе и за-

кладывает левое ухо.

Бывают такие беседы, которые влияют на всю жизнь, определяют выбор, застревают в памяти и всплывают на поверхности сознания время от времени. Высказанное слово задаёт траекторию личностного развития. Случайная встреча и ни к чему не обязывающая болтовня становятся непреходящим смыслом, который существует вместе с тобой и помимо тебя.

Мы уже 18 лет живём в окружении бравурных отчётов и плоских лозунгов. Потеряна точка отсчёта, по которой можно определить, где наметилась положительная динамика, а где уже нет. В детстве всё ясно и понятно, потому что

есть ориентиры и авторитеты. Взрослые всегда скажут, что и как надо делать. Вырастая, мы должны становиться собственной системой координат.

– Помню себя мальчишкой, – начинает пассажир издалека, – мальчишкой, сидящим в родительской спальне, куда выставили всю мебель из гостиной. Причиной такой перестановки была свадьба старшей сестры. Мне как неравноправному по возрасту члену семьи не хватило места за свадебным столом. Сестра моя заводила друзей так же легко, как дышала. И от этой лёгкости дыхания вокруг неё всегда собиралась масса народа, так что становилось невыносимо душно. К рассевшимся родственникам и друзьям, занявшим весь периметр освобождённой от мебели самой большой в квартире комнаты, по мере прибытия гостей прибавлялись всё новые столы, и последним добавили мой письменный, за которым я обычно делал уроки. И даже там мне не нашлось места. А гости всё шли и шли. И уже трудно было определить, кого приглашали, а кто оказался здесь незваным, положив в конверт до неприличия малую купюру.

Дверной звонок в тот день буквально надрывался, и новоиспечённая свекровь вырвала провода, дававшие жизнь этому весёлому беззлобному созданию. В дальнейшем мне не раз приходилось утешаться тем, что в тот день не только я оказался вне праздничного стола и был в более удачном и удобном положении, чем тот, кто явился на свадьбу, но остался с букетом за дверью. И шумевшие гости так

и не услышали (или не захотели услышать) опоздавшего.

Я находился внутри праздничного пространства и сидел в родительской спальне, отделённый тонкой стеной, которая совсем не мешала мне слышать всё, что говорилось в разгар веселья. Сидя в окружении тарелок с салатами и закусками, я с интересом внимал, как за перегородкой веселились уже захмелевшие гости.

Был и ещё один персонаж, не попавший за праздничный стол и составивший мне компанию в тот вечер. Пришёл он уже в разгар торжества без подарка и, разумеется, без приглашения. Был тот паренёк старше меня, но моложе моей сестры, был он сыном нашей дальней родственницы и почти не знаком с теми, кто собрался отметить соединение судеб двух новобрачных.

Звали его Сашка. Ростом паренёк не удался, да в общем не в кого было – родители его были мелковаты. С детства мальчишку все тюкали и обижали. А так как это самое детство проходило на улице во дворах бараков и малоэтажек в спокойные для страны и беспокойно трудные для простых работяг годы, то Сашке поневоле пришлось искать способы защищать себя. Вот и записался он в секцию модного в конце восьмидесятых карате. Сашка закончил ПТУ (Помоги Тупому Устроиться), получил профессию электрика и был мобилизован в ряды Советской Армии. Службу прошёл на границе и теперь отдыхал второй месяц после дембеля.

Если бы я тогда знал, что речь, пройдя сквозь зубы, вой-

дёт в судьбу, то, возможно, предпочёл бы промолчать. Но я был слишком мал, и мои штанины были короче, чем рукава праздничной сорочки. И был я настолько неразумен, что в те годы мне было невдомёк, что знание приходит вечером в окно, чтобы к утру покинуть дом через дверь.

Говорить нам было не о чем. Мы были неравны ни по возрасту, ни по опыту, ни по умению вести диалог. Сашка начал первым, словно ведя допрос.

– Чем будешь заниматься, когда вырастешь?

– Я хочу работать в архиве, разбирать старинные рукописи. Быть специалистом по истории. Но для этого нужно поступить в университет.

– Зачем тебе университет? Иди в ПТУ, потом в армию. Всё равно будешь пять лет учиться, а получать меньше дворника, – загнул Сашка фразу, подготовленную всем его жизненным опытом.

– Разве это главное? Разве деньги – это всё?

– Ты ещё мал и ничего не смыслишь в жизни.

– Конечно, так и про тебя может сказать каждый, кто хоть немного старше.

– Я могу и ответить.

– Каждый может ответить. Получается, что выбор нужно делать, когда ты старый, мудрый и всё уже в жизни попробовал и повидал.

– А ты схоласт.

– Какие ты слова знаешь! Никогда бы не подумал.

Я был в том светлом возрасте, когда сам себя уже считаешь взрослым, готовым совершать поступки и отвечать за них. Но другие видят в тебе неопытного ребёнка, которого надо оберегать и предостерегать от всего, что бы ни случилось. Мне было почти 14.

– А ты рассуждаешь, как взрослый, – попытался он сделать комплимент.

– Почему *как*? – обиженно отреагировал я.

– В армии был в нашей роте один недоучившийся студент. Мы часто оказывались вдвоём «в заставке» – это небольшое укрытие, замаскированный пост. Сидишь в горах целые сутки. Ничего не делаешь, как бы наблюдаешь. Вот парняга и пересказывал лекции, как запомнил их в университете. Я не всё понял, но кое-что в голове зацепилось. Уяснил себе, что схоласты – высоколобые средневековые школяры, ничего не понимавшие в реальной жизни, – развлекались пусто-порожними теориями.

– Схоласты проповедовали учение о религии и нравственности. Это философы, которые пытались рационально, то есть научно объяснить существование Бога и сделать доступным человеческому разуму содержание веры. А сам термин восходит к слову «школьный», то есть учебный. И ничего плохого, ругательного первоначально не имел. Но когда к власти пришли неучи, двоечники, они придали этому термину отрицательное значение.

– Откуда ты это взял?

– Я готовлюсь к экзаменам, чтобы поступить в университет.

– Ты много знаешь для своего возраста.

– Опять ты о возрасте. Разве мозги раздают по количеству лет? Одни люди способны создавать новые смыслы, воплощать их в тексты. Другие могут их трансформировать, доносить до понимания многих. Некоторые умеют осмыслить и повторить чужие идеи. Но как показывает опыт, большинство не приспособлены к общению с текстами. Такие люди выполняют простейшие программы: родился, женился, обзавёлся потомством и умер. Весь их смысл жизни в воспроизводстве рода. Но есть те, кто меняет сознание всего народа, делает научные открытия,двигающие вперёд НТП (энтэпэ).

– Что двигающие?

– Энтэпэ – это научно-технический прогресс. Сделал учёный открытие в механике – и появилась не виданная ранее машина. Раскрыл одну из тайн океанских глубин – и люди получили возможность излечиваться от смертельной болезни. Обосновал новую идею – появились передовые формы и способы мышления, изменился взгляд многих людей на жизнь. Но вот благодаря учёному создали новое смертоносное оружие – и мир оказался на краю гибели. Потому что тот, кто не способен ничего создать сам, готов разрушить всё, что с таким трудом строили другие. Эффект Герострата заразителен.

– Почему ты не хочешь стать учёным – властелином ми-

ра, изобретателем фантастических машин и смертоносного оружия? Архивная крыса ничего не создаёт, никак не меняет мир, не влияет на *энтэпе* (последний согласный звук в аббревиатуре он словно нарочно произнёс мягко) – в его словах угадывалась насмешка.

Тут в комнату заглянула тётя Валя.

– Вы чего такие серьёзные? Все танцевать пошли – и вы идите!

– Хорошо. Мы сейчас.

Дверь закрылась, и в воздухе повисла неловкая пауза.

– А кто в большей степени влияет на изменения в мире?

– Каждая группа по-своему, и все они необходимы. Представь, что исчезнет любая часть человечества. Например, вымрут те, кто обеспечивает воспроизводство людей, останутся одни высоколобые импотенты. И наш вид *homo sapience* сойдет на нет. Не будут рождаться гении, и постепенно будет снижаться уровень жизни. Ну, а если вычеркнуть из списка «трансляторов культуры и науки», то это грозит тотальной войной до последнего человека.

– Ну и всё-таки кто важнее? Как думаешь?

– Думаю, что проводники культуры, популяризаторы и поучатели играют важнейшую роль для развития как одного народа, так и цивилизации в целом. Конечно, сами по себе они бесполезны, так как являются промежуточным звеном между интеллектуальной элитой и прожигателями жизни, разбрасывающими своё семя по всему миру. Популяри-

заторы научных идей, авторы-пересказчики, учителя и педагоги всех категорий, пытающиеся вложить в головы учеников хоть что-то из того опыта, который накоплен за века, способны создавать вторичные тексты, будоражащие сознание народа.

– Ты не учёл ещё одну группу homo sapiens. Те, кто действительно правит миром и регулирует твой прогресс. Те, у кого в руках сосредоточены деньги, власть и сила. Те, кто может раздавить любого, хоть воспроизводителей людей, как назойливых насекомых, хоть производителей идей, хоть самых главных трансляторов. Те, кто, как волки в лесу, следят, чтобы НТП не тормозил, но и не шёл быстрее, чем следует. Когда у тебя в руках сила, ты можешь забрать у других всё, что захочешь: деньги, женщину, страну. Вот о чём нужно мечтать в твои годы!

– Та группа, о которой ты говоришь с таким придыханием, – самая несчастная часть человечества: правители, коронованные и некоронованные короли, министры и кардиналы всех рангов и мастей. Они живут в страхе и заблуждении. Им постоянно приходится опасаться, что появится более сильный соперник и сбросит старую тушку с олимпа власти. Сильные мира сего всегда заблуждаются в том, насколько они могут влиять на тот же прогресс, эволюцию, цивилизацию. Да, они готовы отдавать приказы, согласно которым уничтожат одного человека, или целый класс, а может, и целый этнос. По своему желанию пытаются увеличивать, а ча-

ще уменьшать популяцию. Жаждают отбирать богатства, женщин, власть, силу, здоровье и жизнь, но не способны что-либо создать. Поэтому вынуждены приписывать заслуги творцов, продуцирующих идеи, хвалиться приростом населения или заставлять «трибунов власти» воспевать личность правителя. Участь отбирающих всё у других печальна. При жизни все ими восторгаются, перед ними унижаются, им ставят памятники. А после смерти вождей их проклинают, стараются стереть из памяти и сносят памятники. Нужно иметь достоинство, чтобы не пнуть мёртвого льва.

– По твоим словам, получается, что больше власти над миром имеют школьные учителя? Теперь понятно, почему у них такая маленькая зарплата, они же властелины мира.

– Конечно, всё в мире подчиняется закону вселенской компенсации. Если следовать твоей логике, зарплата чиновников компенсирует их бессмысленную деятельность и ненависть к ним народа. А учитель – это главный человек для развития любой личности.

Так быстрый автор плодит медленных читателей. Если повествование не заставляет представлять дальнейший ход событий, оно обречено на незавершённость. Но если адресат легко угадывает завершение, концовку истории, то это грозит потерей внимания.

Поезд резко остановился. За мутным стеклом притормозил небольшой неказистый (без архитектурных излишеств) вокзал. Под окнами состава побежали, выкрикивая назва-

ния товаров, торговли. Пассажиры оживились, задвигались и встали в очередь к выходу, выстроившись в длинном проходе плацкартного вагона.

– Так ты учитель что ли? – спросил у рассказчика кривоногий пассажир, спрыгнувший с верхней полки.

– Мне-то показалось, что ты спал, пока я байки травил, – ответил собеседник предположением, не желая, очевидно, давать прямой ответ на вопрос.

– Значит, учитель, раз так решил тогда, ну, в разговоре с тем парнем. Недослышал я, Сашка он или Пашка.

Случайным попутчикам можно рассказывать о чём угодно. Они сами сделают правильный вывод, словно заметят карту, выпавшую из рукава шулера, и примерят всё сказанное на собственную судьбу.

Поезд – прекрасная метафора повествования. Будто кто-то большой и добрый проложил рельсы сюжета и разметил станции и полустанции композиции. А мы, слушатели, читатели, наблюдатели, движемся в запланированном направлении и покинем этот поезд на нужной нам станции.

Чего не сделаешь ради общения с приятными людьми! Часами поддерживаешь беседу, как огонь в очаге. Собеседники выбирают для себя роли, надевают маски рассказчиков и слушателей, ведущих и ведомых и погружаются в диалог. Во время этой увлекательной игры происходит проникновение в чужое сознание. А вы хоть раз в жизни отдавали своё воображение и волю на милость говорящего? Да так, чтобы все чувства вытянулись бы в тоненькую ниточку, которую ваш ловкий собеседник продел бы в игольное ушко и завязал в узелочек – назад уже и не вытащишь.

Вы в маске слушателя, ваш визави как бы маг. Он раскрывает новый непознанный мир, ни на что не похожий, но реально ощущаемый всеми имеющимися чувствами.

Синяя борода кентавра, или Загадка одного преступления

Он услышал резкий крик, приоткрыл дверь и в полутьме большого зала увидел лежащую на полу девушку. В её грудь вонзился огромный нож, платье было в крови. Над ней склонился конь с руками и головой человека. Самым чудовищным было то, что у этого человека-коня была синяя борода. Из ноги торчала стрела, из раны текла синяя жидкость.

Голова сержанта закружилась. В сознании поплыли неясные образы: АПДАЙК – большой, шершавый, похожий на пень, предмет. Вот мимо, маршируя, идут окна и не могут пройти, потому что перед ними, шатаясь, стоит его сын Вовчик. Мальчику обязательно нужно прочитать о какой-то странной ТУМЕ.

Лучше начать сначала. Сержанта патрульной службы ГИБДД Степанова Сергея Филипповича вызвала в школу классная руководительница его сына Вовы. Разговор был не из приятных.

– Ваш сын – полный апдайк, – возмущалась учительница литературы Юлия Александровна. Дальше следовала длинная непонятная фраза, во время которой сержант полиции успел глубоко вздохнуть, потом шумно выпустить воздух через рот и два раза моргнуть.

– Ни одного окна у меня не проходит, чтобы я не встретила вашего сына, праздно шатающегося по коридорам. Раскрасневшийся и часто моргающий родитель явно

не успевал улавливать смысл произнесённого, но отчётливо понимал, что сыну не миновать порки дома.

– Ваш сын должен обязательно прочитать «Горе от ума», – тараторила учительница, не делая пауз.

– ГОРЕ—О—ТУМАН, – отдуваясь, многозначительно повторил Сергей Филиппович.

Степанова-старшего спас звонок. Он прогремел как глас иерихонских труб, как свисток арбитра до залетевшего в ворота футбольного мяча (эти мысли не пришли в голову горе-отцу, но всем телом ощутил, что спасён). Переваривая поток обрушившейся информации, сержант полиции брёл по опустевшему после звонка коридору и вдруг услышал крик и стал свидетелем преступления. Увиденное так потрясло Сергея Филипповича, что он не заметил, как оказался на улице.

Весь вечер он был угрюм и ни слова не сказал сыну. В эту ночь глава семейства Степановых не сомкнул глаз. Утром решился рассказать обо всём своему непосредственному начальнику, лейтенанту Кобрину.

– Ага, конь с бородой, в ноге стрела, и кровь течёт такая синяя. А еще примета особая у того коня – борода вся синяя. И он стоит над убитой... да точно убитая, у неё же нож тут. Конь-то стоит так и будто рассказывает что-то или кается. А сам печальный такой.

– Ты что, Филиппыч, Шарля Перро на ночь начитался? Откуда в российской школе кентавры?

– Шар-ля-пе-ро – задумчиво повторил сержант, произнося каждый слог как ударный. И будто ком перьев встал у него в горле от обиды. Никто не верит!

На следующий день Степанов не выдержал и отправился напрямик к директору школы. Елена Борисовна как только узнала, чей он отец, и слушать не стала – потащила его за собой по длинному школьному коридору.

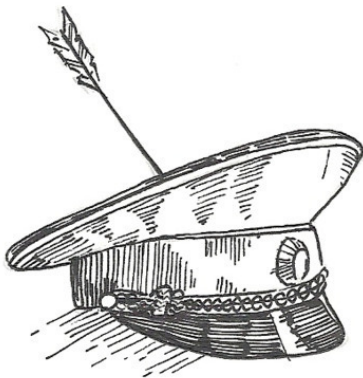
– Вы представляете, ваш сын – герой дня целую неделю, – каламбурила она на ходу. – Ваш Вова позавчера Виктору Александровичу, нашему учителю химии, плеснул раствор на бороду. Теперь у нашего уважаемого педагога вся борода синяя. Вы обязательно должны перед ним извиниться, – вывалила директор на Степанова, не давая ему открыть рта. В этот момент они зашли в какой-то кабинет с неприятными запахами, густо замешанными в воздухе.

И тут он увидел лицо того самого коня только без бороды. Обладая фотографической памятью, помогающей запоминать номера проносящихся мимо автомашин, сержант узнал бы это лицо даже в полной темноте.

– Вот, знакомьтесь, Виктор Александрович. А еще он драмкружок у нас в школе ведёт. К Новому году с десятым классом они инсценируют пьесу собственного сочинения «Геракл и Деянира».

И тут сержанта понесло: «Предъявите ваши права! Полный апдайк, кентавр в печёнки, шарляперо, вашу ять...» Что он ещё говорил, трудно передать.

Сержант патрульно-постовой службы Степанов шагал в направлении... подальше от школы. А в актовом зале лежала мёртвая девушка, на которую печально смотрел раненый кентавр, а по коридорам школы разбежались маленькие зелёные человечки.

Тот день — и вся жизнь, или Воспоминания на кладбище

Резкий холодный ветер растрепал длинную чёлку. Мокрый от слёз платок прилип к пальцам. Унылый вид кладбищенского пейзажа нагонял невесёлые думы. Стопка с водкой, накрытая куском чёрного хлеба, и кучка конфет в ярких блестящих фантиках притягивали взгляд. На что ни посмотри, всё вызывает тоску и беспокойство. Никто не знает, откуда, почему и зачем к нам приходят воспоминания.

Мама всегда была права. Признание за собой неправоты казалось ей катастрофой. Заводилась с пол-оборота, как только чувствовала малейшее проявление несправедливости по отношению к себе.

Тогда ещё глупая девочка, я гордилась своей мамой, которую никто не решится обидеть, а если и посмеет, то мало ему не покажется. Мама приучила меня к тому, что даже те люди, которые ласковы и приветливы с тобой, могут в любую минуту напасть, стать врагами. Я верила маме, а как же может быть иначе.

Соседка баба Фиса всегда угощала меня конфетами, гладила по голове и жалела сиротинушку. Мама тоже ласково и даже сюсюкая отвечала бабке. А сама потом говорила, что-

бы я выбросила конфеты, не смела ничего брать. Сравнивала меня с собакой-попрошайкой, жившей в нашем дворе и вилявшей хвостом всем, кто с мусорным ведром выходил из подъезда. И не известно, на какой помойке наша соседка подбирает эти сладости...

В тот магазин мы зашли стихийно, потому что не собирались. Мама только что жаловалась, что ей не хватит денег до конца недели, когда выплатят аванс, и придется клянчить в долг у старой школьной подруги – тётки Светы. Я с трудом понимала, почему мама всё время называла тётю Свету старой, ведь они вместе учились в школе, в одном классе. Наверное, тётя Света, живя в благополучной семье, где был муж и двое её сыновей, а ещё с ними жила бабушка (называемая моей мамой свекровкой), быстрее состарилась, хотя и тщательно это скрывала. Тётя Света любила гостей, в её доме всегда находилось для меня что-нибудь вкусное, а с собой она давала маме или банку помидоров со своего огорода, или платье, которое она купила, но почему-то не подошло. Мама всё брала, а потом злилась на то, что Светка специально хвастается своим достатком. Конечно, муж – инженер, у бабки пенсия, а ещё огород – можно и в магазин не ходить.

В тот магазин мы завернули совсем случайно, и покупать-то ничего не собирались. Дёрнув меня за руку, мама сразу направилась к прилавку, огибая переминающуюся с ноги на ногу очередь.

– А почему колбаса такая нежирная? – с разгону мама пре-

рвала диалог пожилой покупательницы с продавщицей.

– Колбаса заканчивается, не занимайте! – отреагировала женщина за прилавком.

– Как это заканчивается, рассовали, поди, по своим сумкам! Я на вас жалобу напишу!

Продавщица беспомощно всплеснула руками и залилась краской.

– Вот так! – победоносно произнесла мама, развернулась на сто восемьдесят градусов и потащила меня за собой. Переполненная ощущением превосходства, я, не сразу определив направление движения, чуть не грохнулась на пол.

– Чего ты запинаешься, как колченогая! – подбодрила меня мама.

У дома мы встретили бабу Фису, которая с трудом несла две тяжёлые сумки.

– Давайте помогу! – подхватила мама сумки и ринулась вверх по лестнице. Мы с соседкой кое-как успевали следом. Ноги у мамы были стройные, мускулистые, сильные. В юности она занималась волейболом, но травма руки разрушила мечту стать настоящей спортсменкой.

– Сиротиночка моя, расти доброй и ласковой, и счастье к тебе придёт. Возьми конфетки, деточка, – порывшись в карманах, бабушка протянула на раскрытой ладони блестящие фантики.

– Спасибо, – пискнула я.

Есть конфеты я боялась, вдруг отравленные, но всегда

брала. Бабкиными сладостями я угощала соседа по парте, который давал списывать домашнее задание, и девочек из старших классов, чтобы слушать их разговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.